

Мелих Ю.Б. Иррациональное расширение философии Канта в России. — СПб. : Алетейя, 2014. — 343 с.*

На самому себе заданный вопрос, существует ли еще тот комплекс проблем вокруг философии Канта, который либо совсем, либо недостаточно изучен, автор монографии хотя и не сразу, но дает положительный ответ. И такая постановка вопроса, и задержка с положительным ответом на него связаны с тем, что Ю.Б. Мелих как добросовестный и профессиональный исследователь трансцендентальной философии Канта вполне закономерно вначале обращается к анализу современного состояния отечественного кантоведения. Автор справедливо считает это состояние удовлетворительным по нескольким причинам. Во-первых, возросла интенсивность публикаций монографий и сборников, посвященных проблемам философии Канта в России. Особо Ю.Б. Мелих выделяет сборник «Кант и философия в России» (1994), который она полагает отправной точкой оживления интереса к философии Канта с позиции отечественной философии. Во-вторых, налицо комплексность исследований. Влияние Канта прослеживается не только в русской философии, но и в русском художественном творчестве. И, в-третьих, очевидна разносторонность этих исследований. Отмечается, что русскую религиозную философию, русское неокантианство, русский прагматизм объединяет определенное отношение к философии Канта.

Именно критическая философия Канта так или иначе стала истоком таких противоположных друг другу философских умонастроений. Данный факт — свидетельство действительной универсальности идей немецкого гения, непреходящей ценности и актуальности его философии. Они оказались востребованными и теми, кто искал более тесной связи научного познания с повседневностью, изменчивой, текучей жизнью, и теми, кто полагал открыть в философии способы преобразования социальной действительности, и теми, кто видел в философии образец чистого знания, и, наконец, теми, кто философию определял в качестве инструмента интерпретации божественных символов.

Следует согласиться и с тезисом автора монографии, ставшим одним из иницилирующих моментов данного произведения, о том, что неокантианство все еще остается малоизученным направлением мировой философии конца XIX начала XX века. Я уже писал о причинах, которые осложняют работу над анализом феномена русского неокантианства¹. Необходимо только указать на то, что и в исследовании истории немецкого неокантианства имеются свои непростые и неоднозначные моменты и трудности. Однако в последние годы положение с исследованиями в области неокантианства стало существенным образом меняться в лучшую сторону. Причем возросший интерес к неокантианству — не только историко-философский. Уже есть немало работ, которые полагают, что неокантианство есть само-

* Поступила в редакцию: 10.06.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-8

© Белов В.Н., 2016

¹ См.: Белов В.Н. Русское неокантианство: история и особенности развития // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 38.

сознание эпохи постпостмодерна, обоснование нового гуманизма эпохи различий и дифференциаций, сознание человеческой культуры, философия диалога и коммуникаций. И для таких утверждений имеются свои основания. В данном контексте хотелось бы обратить внимание на недавно изданную книгу известного итальянского специалиста по философии Германа Когена — профессора А. Помы (Poma A. *Cadenze. Note filosofiche per la postmodernita*. Milano ; Udine, 2014).

Представляет несомненный интерес и мысль автора монографии о попытке развития кантовской философии со стороны неокантианства за счет иррационального. Такое стремление, по мнению профессора Ю.Б. Мелих, было характерно для неокантианства в целом, то есть и для немецкого, и продиктовано поиском целостного мировоззрения, преодолевающего любую дуализм человеческого разума. Автор ставит перед собой цель дать ответ на вопрос, «способно ли неокантианство преодолеть через иррационализм раздробленность мира и обосновать целостность мировоззрения, а не углубиться в мистику и затеряться в прагматистском релятивизме»² (с. 40).

Переходя к анализу творчества русских неокантианцев, Ю.Б. Мелих замечает: «В отечественной истории философии Сергей Иосифович Гессен менее известен, чем его соратники по журналу "Логос" Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко, В.Е. Сеземанн» (с. 88). Мне трудно согласиться с таким суждением в отношении Василия Эмильевича Сеземана. К моему возражению подталкивает даже простое сравнение публикаций указанных русских мыслителей. Если в изучении других редакторов русского «Логоса» существует определенная отечественная традиция, защищаются диссертации, проводятся конференции и круглые столы, публикуются первоисточники, монографии и сборники, то в отношении В.Э. Сеземана ситуация не столь радужная. Если и говорить о традиции в изучении его наследия, то такую следует искать на Западе. Необходимо отдать должное литовским коллегам, которые по достоинству оценили вклад русского философа в дело формирования основ литовской культуры, выпустив двухтомное собрание сочинений В. Сеземана на литовском языке, в Литве существует когорта исследователей его трудов. Хотелось бы среди прочих назвать имена Лозурайтиса, Анилионите и Гензелиса. Творчество русского философа вызывает интерес и в других европейских странах, так, в 2005 году в Хельсинки прошла конференция, посвященная В.Э. Сеземану, куда был приглашен и сын философа Георгий, проживающий ныне в Вильнюсе; в Амстердаме опубликован перевод на английский язык его «Эстетики», которую специалисты причисляют к произведениям европейской классики (Sesemann V. *Aesthetics*. Amsterdam ; N. Y., 2007), на английском же языке в 2006 году вышла первая монография о русском мыслителе (Botz-Bornstein T. *Vasily Sesemann. Experience, Formalism, and the Question of Being*. Amsterdam ; N. Y., 2006).

Обращение к философской позиции Сеземана в рецензируемой монографии было бы продуктивным и закономерным еще по одной очень важной, на мой взгляд, причине — особого внимания в его философии к проблеме иррационального³.

² Курсив автора монографии.

³ Более подробно об этом см.: Белов В.Н. В.Э. Сеземан — систематик русского неокантианства // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 121—127; Белов В.Н. Проблема рационального и иррационального в русском неокантианстве // Духовный континент русской философии. Саратов, 2009. С. 159—180.

Проведя скрупулезный анализ творчества трех представителей русского неокантианства — С.И. Гессена, Б.В. Яковенко и Ф.А. Степуна — автор рецензируемой монографии приходит к выводу о том, «что заявленная в неокантианстве претензия на возможность пересоздать действительность не поддается человеку, и вместо индивидуализации она оборачивается множеством масок и мутных ликов или же утопает в темных мистических глубинах, растворяя при этом и саму действительность» (с. 306).

Произведенный анализ взглядов русских неокантианцев позволяет профессору Ю.Б. Мелих утверждать их несомненную связь с теорией прагматизма. Особую близость позиции русского неокантианства она находит в так называемом прагматическом романтизме Ричарда Рорти, интервью с которым и завершает рецензируемое издание.

В заключение осталось отметить, что данная монография стала результатом многолетнего труда ее автора, а также нескольких научных командировок, осуществленных при финансовой поддержке международных программ, в рамках которых профессору Ю.Б. Мелих удалось поработать с материалами в университетских библиотеках Европы и США. Это дало возможность автору ввести в научный оборот многочисленные работы на иностранных языках, как относящиеся к самим русским или немецким неокантианцам, так и посвященные анализу их творчества. В частности, хотелось бы отметить прежде всего материалы III Международного философского конгресса в Гейдельберге и диссертацию С.И. Гессена «Über individuelle Kausalität». Монография Ю.Б. Мелих может быть рекомендована специалистам, а также всем интересующимся историей европейской философии рубежа XIX и XX веков и историей отечественной философии и культуры.

В. Н. Белов